

И с разискреннею силищей
 кроут
 мрачные от желчи:
 «Понастроили страшилищей,
 сволочи,
 Микел Анжелычи»
 В.Маяковский

Если верна мысль Достоевского о том, что "красота мир спасет", то не менее верно и обратное положение — безобразие и уродство мир погубят. По-немногу преображающаяся сейчас Москва дает многочисленные примеры как первого, так и второго.

Любая восстановленная церковь или старое здание — праздник для глаз, вспоминаются как нечто забытое, но желанное и необходимое, выглядящее давно знакомыми, "московскими". Новые же добавления, те же памятники — от Высоцкого до Жукова, можно рассматривать лишь с оговорками, ни один из них не убеждает ни в своей необходимости в данном пространстве, ни в бесспорности своего художественного решения.

Вновь воздвигнутый Храм Христа Спасителя настолько встал на свое место, что можно только поражаться: как же мы обходились без него, как же Москва в течение стольких десятилетий могла существовать с дырой на своем теле, с паробразующей ямой (бассейном) в самом центре города. Золотой купол Храма перекликается с кремлевскими соборами, возникает в перспективе с самыми неожиданными точками Арбата и Замоскворечья.

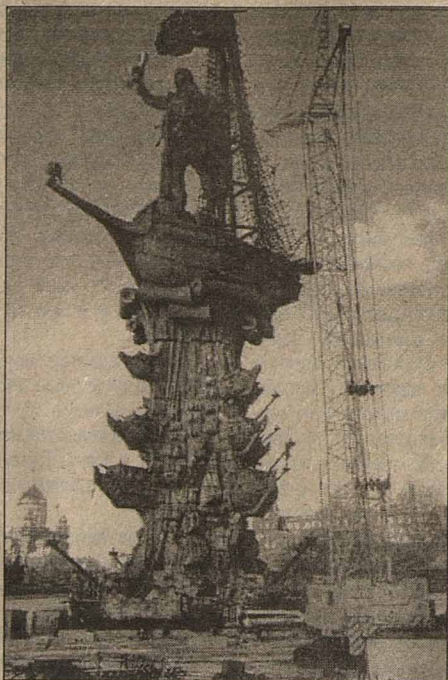
Но, выйдя на берег Москвы-реки, наткнешься на совсем другое новшество — уже смонтированный памятник Петру Первому. Здесь остается лишь руками развести: какая нужда историческая или политическая заставила городские власти этот памятник морепроходцу Петру (который к тому же при всех его заслугах Москву все-таки не очень жаловал и перенес столицу в Петербург) ставить в этом месте и в это время?

Конечно, всему предшествуют эсте-

тические резоны, и был бы памятник художественно убедителен — все замечания отошли бы на второй план. Известно, что всякая новизна может вызвать сопротивление консерваторов; вспоминают к случаю первоначальное неприятие парижанами Эйфелевой башни. Но башня Эйфеля была в ту эпоху новаторским инженерным сооружением и со временем убедила всех в своей пластической красоте и вписалась в пейзаж Парижа (как Шуховская в пейзаж Москвы). О памятнике Петру даже смешно задаваться подобным вопросом: он удручающе беспомощен, некрасив, главное — несовременен, архаичен, напоминает своими снастями и мачтами запылившуюся кулису из помпезного, но давно уже освидетельствованного историей и снятого с репертуара спектакля.

Где, в какой еще мировой провинции, муниципальные власти согласились бы на установку такого вот монстра, на подобное эстетическое засорение окружающей среды? Автор этого памятника уже прославился крайне неудачным

Сомнительная красота

Зураб Церетели. Памятник Петру Первому.

монумент этот никак не связан со своим окружением, он там случаен. Он напрочь лишен основного качества, необходимого любому монументу, а именно — монументальности. Сделанный в статуэточно-бутафорском стиле, он в виде миниатюры еще мог бы красоваться на каком-нибудь комодике в невысокого вкуса помещицкой квартире. Здесь же, вознесенный на десятки метров ввысь, он лишь кичится своими размерами и оставляет зрителю недоуменный вопрос: кто и как мог допустить его появление? При осмотре с Крымского моста памятник выглядит выше находящегося неподалеку Храма Христа Спасителя, в три-четыре раза

выше всех городских горизонталей, подчеркивает собою Кремль.

Если конкуренция является неотъемлемым условием экономического процветания, то соревновательность, конкурсная основа должны стать главным положением художественной политики. Там, где речь идет о монументальных сооружениях, пересоздающих городской ландшафт (особенно в старой части города), лишь открытые конкурсы с широким обсуждением проектов в печати, возможно, дадут приемлемые результаты. Очевидно также, что любая мало-мальски компетентная комиссия из специалистов забраковала бы этот безумный, но дорогостоящий проект еще до его возведения. А что теперь — организовывать сбор народных средств на его демонтаж?

Есть очевидное противоречие в понятиях "переходная эпоха" и "монументальное сооружение". "Переходное" — то, что скоро кончится, завершится, сменится чем-то другим, более постоянным. "Монументальное" — то, что останется на века или хотя бы десятилетия, будет сопровождать жизнь поколений, формировать их вкус.

Вспоминается Маяковский, протестовавший в конце двадцатых против излишней монументальной пропаганды:

Штопали б
 домам
 бока
 да очистили бы грязь вы
 Мы бы
 обошлись пока
 Гоголем
 да Тимирязевым.

Под "Гоголем" имелся в виду, конечно, андреевский памятник (не пришла ли ему пора занять прежнее место?). Этими памятниками и сейчас можно было обойтись.

ИГОРЬ ШЕЛКОВСКИЙ

Париж

Русская мысль - Париж - 1991 - 13-19 марта - с. 14